

Олег ТАБАКОВ:

«НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОЛУДЕПУТАТОМ»

Неделя. - 1990. - 16-22 апр. (№16). - с.7.

Идея поговорить о политике с человеком театральным возникла у меня давно — еще со времени прямой трансляции первого Съезда народных депутатов, напомнившего мастерски поставленный спектакль. Заготовленные монологи и яркая импровизация, лихо закрученная драматургия, доводящая порой телезрителя до состояния полной восторженности или глубокого уныния. Популярность некоторых депутатов уже сравнялась с известностью теле- и кинозвезд. В свою очередь, многие известные люди искусства сегодня уходят в политику.

Больше всего для этого разговора, на мой взгляд, подходил Олег Павлович Табаков. Хороший актер, режиссер, создатель популярного театра-студии. Кроме того, он занимает и немалые административные должности — ректор школы-студии МХАТ, секретарь правления Союза театральных деятелей СССР.

— Олег Павлович, многие ваши коллеги стали народными депутатами СССР, баллотировались в Советы. Вам, насколько я знаю, тоже дважды предлагали выдвинуть свою кандидатуру, но вы отказались. Значит ли это, что вы решили пока постоять в стороне, посмотреть, во что выльются сегодняшние процессы? Или вы считаете, что человеку творческому негоже соваться в политику?

— Я бы обратился сегодня к историческим аналогиям. Разве Лев Николаевич Голстой или Антон Павлович Чехов занимались всерьез политикой? Или Таиров, Вахтангов, Станиславский?

Некоторым исключением в театральном цехе был Мейерхольд. Но это личность противоречивая, простим ему некоторый, мягко говоря, субъективизм, который он допустил, активно вмешавшись в политику и занимая даже определенную должность в одном из департаментов Советской власти.

Большая часть русских художников, деятелей искусства была уверена, что посредством своей профессии они могут менять жизнь к лучшему не менее успешно, нежели занимаясь политикой. И, наконец, по выражению Владимира Познера, «полудепутатом» быть как-то непристойно. Стыдно. А потребности быть политиком у меня нет.

Смысл искусства, по Льву Николаевичу Толстому, — помочь людям «полюбить жизнь». По всей вероятности, он имел в виду не розового или иного цвета очки, надеваемые на глаза, дабы люди не могли отличить правды от лжи. Наоборот, он призывал «жить не по лжи», что подразумевал другой великий российский писатель — Александр Исаевич Солженицын. И это имеет прямое отношение к моей профессии.

Мое детство прошло в годы войны. Я знаю, что такое голод, что такое жареные картофельные очистки, что такое украсть кусок хлеба. Я не боюсь ни Сибири, ни Техаса, ни Парижа. Не боюсь. И готов отвечать за все, что делаю.

— Олег Павлович, создается впечатление, что сегодня опять на авансцену жизни выступают шестидесятники. Поколение, возвращенное оттепелью и лишенное надежд в семидесятые, наверстывает упущенное. Вот и вы только что поставили пьесу В. Розова по роману И. Гончарова «Обыкновенная история», в которой в молодости играли сами. Вы же восстановили «Матросскую тишину» А. Галича, ко-

торую когда-то репетировал «Современник». В вашем театре-студии еще до литературной реабилитации В. Аксенова шла его «Затоваренная бочкотара». Насколько вам нынешнее время напоминает благословенные шестидесятые?

— Нет, наше время — совсем другое. То был период романтического опьянения, кайфа, как говорят молодые люди вашего возраста. И это было искренне. А сейчас мы никоим образом к этому не возвращаемся. Общество не только не продвинулось вперед, по крайней мере, в своей морали, в своем нравственном развитии, а во многом и растеряло то, что было. И сейчас появилась колоссальная потребность, горлом это хлынуло: напомнить людям, что они все-таки люди, человеком нужно быть на этой земле!

А шестидесятники, пятидесятники... Это все искусственные построения. Просто люди нашего возраста сегодня на виду, они чего-то добились, они сохранили какие-то душевные, нравственные силы. Да кроме того, мы старше, и хочется подставить плечо тем, кто идет за нами. Знаете, шестидесятники ведь тоже разные, как и люди других поколений. Кто-то остался на всю жизнь шестидесятником, а кто-то стал потом семидесятником, а кто-то и восьмидесятником. Дело не в возрасте. Мне, например, глубоко симпатичен, несмотря на его некоторые тактические ошибки, и депутат Собчак — шестидесят-

ник, и депутат Травкин, хотя он должен быть семидесятником.

— Двадцать шесть лет назад критик К. Щербаков писал о вас: «Табаков останется по преимуществу актером сегодняшнего героя. Каким он будет? На этот вопрос Табаков ответит своими будущими работами». Так каков он, сегодняшний герой?

— Я рассказываю о дне сегодняшнем и когда играю Сальери в «Амадее», и Бутона в «Кабале святош», и Мальволио в «Двенадцатой ночи» или Федю Анчугина в «Провинциальных анекдотах». И Балалайкины, и Обломы — люди сегодняшние.

Едва ли не самая современная фигура нашего времени — Иудушка Головлева. К сожалению, правда, у меня нет пока конкретного драматургического материала, чтобы сыграть это.

— Иудушка — герой нашего времени?

— А как же? Не только он, конечно... Но, глядя на заседания нашего парламента, я утвердился в том, что и он тоже... И Дон Кихот — которого я не сыграть по физическим данным — герой сегодняшнего дня. Но могу сыграть Санчо Пансу — а это половина Дон Кихота. Сейчас состоялась премьера в нашем театре-студии, где я исполняю роль сценариста моего возраста, работающего в Голливуде. У него не состоялась судьба, он мечется... И вдруг встречается с дочерью, оставленной им шестнадцать лет назад... И он — герой нашего времени.

— Ваши прогнозы на театральную ситуацию в будущем — как скоро удастся театру избавиться от конъюнктуры, теперь уже левой?..

— Я полагаю, что, как и везде сегодня, в театре происходит мучительная смена поколений. Люди, воспитанные на том, что называется политической двусмысленностью, сегодня не нужны. Придут молодые. И будут говорить свое. Надо только сегодня в погоне за приоритетами не забыть, для чего мы, зачем существуем?

Сейчас многие театры стремятся вырваться за рубеж. И наш театр-студия уже побывал и в Авиньоне, и в Штутгарте, и в Мюнхене, и в Западном Берлине. Но мы были и в Даугавпилсе, и в Кишиневе, и в Новгороде, и в Ереване, сейчас едем в Новокузнецк. И эти «внутренние» поездки для нас не менее, а может, и более важны.

— Скажите, вам сейчас как руководителю, администратору, режиссеру, актеру житьется легче, чем десять, пятнадцать лет назад?

— С одной стороны, конечно. Но с другой — спрос с себя больше. Настоящего искусства сейчас очень мало. Нет настоящей художественной конкуренции, которая бы заставляла актеров, режиссеров глубже, интереснее работать. Значит, нужно контролировать себя самим.

Беда в том, что дефицит этот во многом искусственный. В 1931 году в Москве было 69 театров! В Финляндии, где живут четыре с половиной миллиона, сегодня 44 театра! Это серьезная пища для размышления. Ведь дети Перовского района Москвы ходят в театр раз в два года. Тушинского — раз в три года! Как же так?

По-моему, нужно кончать говорить о том, что у нас там плохо, тут. Болтовня уже переросла критический предел, ее невозможно слушать. В свое время Антон Павлович Чехов с присущим ему сарказмом писал о теории малых дел... Самое бы время ей сейчас возродиться. Ну сделайте хоть что-нибудь!

А потом уже болтайте, давайте интервью...

Беседу вел
Александр МИЛКУС.